

*Н.Е. Тихонова,
доктор социологических наук,
ИКСП РАН*

Кто выиграл и кто проиграл в результате российских реформ?

Вопрос о том, кто выиграл и кто проиграл от социальных последствий российских реформ, является краеугольным для понимания вектора движения российского общества за последние годы. Как правило, пытаюсь ответить на этот вопрос, вспоминают олигархов, говорят о массовом обнищании народа и т.п., по сути дела, сводя эту проблему к различного рода идеологиям. Не отрицая ни факта взрывообразного обогащения олигархов, ни формирования глубочайшей социальной дифференциации населения за последние годы, ни того, что значительная часть населения России живет сейчас за чертой бедности, мне все же кажется целесообразным посмотреть на эту проблему с несколько иной точки зрения.

Сразу нужно подчеркнуть, что субъективное ощущение выигрыша-проигрыша от реформ у рядовых россиян и объективные их последствия далеко не всегда совпадают. Судя по результатам исследований ИКСП РАН¹, и динамика материального положения, и движение вверх или вниз по социальной лестнице сами по себе еще недостаточны

¹ Исследование "Новая Россия: 10 лет российских реформ глазами россиян", данные которого приводятся в настоящей статье, проводилось Институтом комплексных социальных проблем (ИКСП) РАН и Российским независимым институтом социальных и национальных проблем (РНИСиНП) совместно с Представительством Фонда им. Ф.Эберта в Российской Федерации в октябре 2001 г. — январе 2002 г. Опрос проходил в ноябре 2001 г. в 12 территориально-экономических районах России, согласно районированию Госкомстата РФ, а также в Москве и Санкт-Петербурге, общероссийская репрезентативная выборка составляла 1743 человека.

для того, чтобы сформировать ощущение собственного выигрыша или проигрыша от проводившихся реформ. Поэтому при изучении проблемы кто выиграл, а кто проиграл в результате реформ, необходимо анализировать минимум три ее самостоятельных аспекта.

Первый из них — **уровень материального благосостояния**. И о динамике материального положения населения России, и об уровне его нынешнего благосостояния пишется достаточно много, поэтому специально останавливаться на данной стороне вопроса не буду. Отмечу лишь, что для ощущения выигрыша-проигрыша от реформ очень важным оказывается соотнесение собственных доходов с доходами окружающих, оценка себя в рамках регионального сообщества. Так, среди тех, чей доход был ниже медианного для их региона, 55,4% считали, что они проиграли от реформ, и только 6,4% — что выиграли. Зато при доходе в два и более раза превышающем медианный для данного региона доход, уже менее 20% полагали, что они проиграли от реформ и более чем 35% — что выиграли. Среди тех, чьи доходы были ниже общероссийской медианы, 41,8% считали, что они скорее проиграли от реформ, и 12,7% — что выиграли.

Второй аспект проблемы — **общая самооценка своего выигрыша и проигрыша** от реформ, при которой человек руководствуется не просто динамикой собственного положения, но и степенью соответствия произошедшего его представлениям о должном и справедливом, его потребностям и т.д. Именно ощущение выигрыша-проигрыша от реформ, несмотря на его зависимость от психологических факторов, является важнейшим гарантом социальной стабильности в обществе. Поэтому вопрос о том, как изменялся в последние годы этот показатель, сам по себе представляет значительный интерес.

Как видно из данных таблицы 1, в начале 1990-х годов в российском обществе, несмотря на тяжелые последствия либерализации цен, еще сохранялась некоторая эйфория по отношению к реформам. В период избрания Б.Ельцина на второй президентский срок, несмотря на то что именно в тот момент были погашены долги

Таблица 1

Динамика ощущения выигрыша-проигрыша от реформ за период их проведения (в %)

Вариант ответа	1993 г.	1996 г.	1997 г.	Апр. 1998 г.	Окт. 1998 г.	2000 г.	2001 г.
Скорее выиграл	25,1	13,9	7,5	7,6	6,5	9,3	15,9
Не выиграл и не проиграл	17,5	-	27,7	26,8	21,1	27,0	32,8
Скорее проиграл	57,4	86,1	64,8	65,6	72,4	63,7	51,3

* Распределение дается в % от тех, кто смог определить свою позицию по данному вопросу. Численность затруднившихся с ответом на этот вопрос в разные годы колебалась от 10,0 до 26,6%. Данные приводятся из мониторинговых исследований РНИСиНП, которые проводились регулярно с 1993 г. по общероссийской репрезентативной выборке с численностью 1750-2100 человек в разные годы. В 1996 г. формулировка вопроса не включала позицию "не выиграл и не проиграл".

бюджетникам, реанимированы идеологические штампы борьбы с коммунизмом, а сам вопрос в анкете давал возможность выбрать только одну из двух, а не из трех позиций, число ощутивших себя выигравшими от реформ сократилось вдвое.

В российском обществе период накануне кризиса 1998 г. ознаменовался дальнейшим сокращением числа тех, кто считал себя выигравшим от реформ, и ростом тех, кто считал себя проигравшим. Своих крайних значений эти показатели достигли осенью 1998 г., сразу после кризиса. Затем началось плавное улучшение ситуации, в результате которого осенью 2001 г. число проигравших от реформ впервые за последние пять лет стало составлять лишь половину российского общества.

Тем не менее, как видно из данных таблицы 1, в конце 2001 г. число считавших себя выигравшими от реформ было втрое меньше числа проигравших. Что стоит за этими цифрами? Чтобы ответить на этот вопрос, важно понять как сами россияне оценивают приобретения и потери от реформ (табл. 2).

Таблица 2

Что россияне считают для себя лично приобретениями и потерями от реформ
(в %, допускаясь до трех вариантов ответов)

Приобретения	Доля отметивших данную позицию	Потери	Доля отметивших данную позицию
Возможность зарабатывать без ограничений	42,1	Снижение уровня жизни населения	46,2
Насыщение рынка товарами	37,1	Утрата чувства защищенности, уверенности в завтрашнем дне	45,1
Большие возможности для само выражения и личной карьеры	22,0	Утрата стабильности, безопасности	36,1
Свобода выезда за рубеж	20,1	Резкое деление общества на богатых и бедных	23,7
Жизнь стала ярче, интереснее	19,7	Падение морали	18,5
Свобода слова и мысли	18,5	Нет больше справедливости	18,9
Укрепление частной собственности	14,5	Отсутствие должного порядка в стране	15,6
Прекращение гонений за веру, усиление роли церкви в обществе	11,9	Распространение в России такого явления, как теракты	12,2
Сближение российского образа жизни с образом жизни развитых стран	7,0	Человеческие жертвы в войнах, вооруженных конфликтах	11,9
Отказ от дорогостоящих военно-технических программ	3,9	Отход от идеи социализма	7,6
Многopартийность, свободные выборы	3,4	Развал передовых отраслей промышленности, основанных на науке и новых технологиях	6,6
		Снижение авторитета России в мире	6,1
<i>Не видят никаких приобретений</i>	17,2	<i>Не видят никаких потерь</i>	3,8

Итак, в приобретениях от реформ фигурируют прежде всего новые возможности, а в списке потерь — утрата ощущения стабильности и защищенности, причем в сумме две последние позиции набрали 64,9% (16,2% россиян назвали одновременно обе эти позиции). Уже из этого видно, что психологические последствия реформ оказывают огромное воздействие на ощущение выигрыша-проигрыша от них. Те, для кого полученные свободы наиболее значимы в системе их ценностей, чаще рассматривают себя как выигравших, а те, для кого они не важны, — как проигравших. Не случайно среди считающих себя выигравшими 62,7% хотели бы жить в обществе индивидуальной свободы и только 18,25% — в обществе социального равенства. Среди считающих себя проигравшими соотношение обратное — 14,0 и 60,9% соответственно.

В связи с этим особенно тревожно, что новые возможности восходящей мобильности, которые характеризовали начальный период реформ, постепенно утрачиваются. Так, малым бизнесом в 1996 г. занимались, по данным мониторинга РНИСиНП, 12,6% опрошенных. Еще 12,1% хотели им заниматься и считали, что будут иметь такую возможность в ближайшем будущем. В 2001 г. соответствующие показатели составили 5,7 и 3,0%, сократившись в общей сложности втрое. Это значит, что очень скоро может возникнуть понимание утраты тех возможностей, которые выступали в глазах россиян как основные приобретения от реформ. Думается, не надо объяснять возможные негативные последствия этого.

Наконец, третий аспект проблемы выигрыша и проигрыша от реформ — **самооценка человеком изменения своего положения в обществе за этот период**. Это, хотя и субъективный, но очень важный интегральный показатель, отражающий реальный выигрыш или проигрыш человека от реформ во всем многообразии его социальных ролей.

Сразу подчеркну, что собственным статусом в конце 2001 г. довольны были только 16,5% опрошенных, почти столько же (17,4%) однозначно оценивали его отрицательно, и почти две трети всех россиян считали его "удовлетворительным". Судя по данным наших исследований, чтобы быть довольным собственным статусом, человек должен относить себя к верхней половине социальной лестницы, состоящей как бы из десяти ступенек. Вместе с тем среди тех, кто однозначно недоволен собственным статусом, более половины составляют те, кто находится на двух нижних ее ступенях¹. При этом, судя по данным всех проводившихся РНИСиНП и ИКСИ РАН исследований, наиболее болезненно процессы перехода к рынку сказались на положении групп, занимавших в дореформенной России достаточно высокие статусные позиции. Более половины их

¹ Для оценки социального статуса и его динамики за годы реформ использовались результаты теста интегральной самооценки своего социального статуса по десятибалльной шкале в момент опроса и по состоянию на начало реформ.

"скатились" вниз, во всяком случае, — по их собственным ощущениям. Зато вновь открывшиеся каналы восходящей социальной мобильности были использованы многими россиянами для того, чтобы переместиться в более высокие статусные группы.

В числе главных факторов, оказавших влияние на направленность процесса социальной мобильности, был прежде всего возраст. И хотя во всех возрастных группах старше 22 лет нисходящая социальная мобильность была больше восходящей, но соотношение их в разных группах различалось кардинально. 59,5% тех, кто сумел заметно подняться за годы реформ по социальной лестнице вверх, составляла молодежь до 30 лет включительно. Впрочем, значимость этой цифры не стоит переоценивать, так как в момент начала реформ представителям этой группы было не более 20 лет, они только еще вступали в самостоятельную жизнь, а следовательно, "расти" им надо было почти с нуля.

Более значимо то, что 36,7% всех сумевших подняться по социальной лестнице, были лица в возрасте 31—50 лет (впрочем, внутри этой возрастной группы восходящая социальная динамика характеризовала лишь каждого девятого). Те, кто в 2001 г. был старше 50 лет (и значит, в момент начала реформ им было 40 лет и более), составили всего 3,7% повысивших свой социальный статус при том, что их доля в массиве опрошенных была равна трети. В группе 51—60 лет (в период начала реформ им было более 50 лет), почти две трети понизили свой статус, треть осталась в том же положении и только 2,4% сумели его повысить.

Означает ли это, что именно возраст был решающим фактором, с неизбежностью предопределявшим улучшение или ухудшение положения россиян в ходе реформ? Думается, что нет, и понять реальный механизм происходившей за последние десять лет социальной селекции поможет анализ других значимых факторов динамики статусных позиций населения.

Итак, второй важнейшей характеристикой, повлиявшей на направленность движения россиян по социальной лестнице в ходе реформ, было приобретение **навыков работы на компьютере**. Во всяком случае, среди тех, кто сумел к 2001 г. овладеть ими, нисходящая социальная мобильность характеризовала всего треть группы, восходящая — каждого четвертого, а остальные сумели сохранить свои позиции в обществе. Среди тех же, кто так и не научился за эти годы работать на компьютере, более 60% группы были вынуждены спуститься вниз по социальной лестнице, а остальные в подавляющем большинстве сохранили свои старые статусные позиции. Особенно важно подчеркнуть при этом, что, судя по самооценкам своих позиций, в момент начала реформ, никаких существенных различий в статусе между теми, кто в дальнейшем научился или не научился работать на компьютере, и кто так и не научился этому, не было.

Конечно, на это можно ответить, что компьютер доступен не каждому, поэтому на нем умеют работать представители наиболее благополучных групп, так что зависимость здесь скорее обратная. Не сбрасывая со счетов это соображение, не стоит все же и преувеличивать роль уровня материального благосостояния. В пользу этого говорит и третий важнейший фактор, повлиявший на направленность социальной мобильности, — **готовность к постоянному обучению и саморазвитию**. Среди тех, кто хоть как-то пополнял за 1998—2001 гг. свои знания, снижение социального статуса затронуло 38,3%. Зато среди тех, кто, несмотря на идущую в стране структурную перестройку и модернизацию экономики, ничему не учился, снизивших свой статус, оказалось 67,4%. И хотя для пополнения знаний и приобретения новых навыков никаких серьезных затрат не требуется, готовность к приобретению знаний убывает прямо пропорционально возрасту.

Четвертый важнейший фактор, повлиявший на направленность социальной мобильности россиян, — **работа в том или ином секторе экономики**. Так, среди наиболее массовой (43,9% всего массива) группы тех, кто работал на государственных или приватизированных предприятиях, около 50% спустились вниз по социальной лестнице, каждый восьмой улучшил свое положение и 39% сохранили прежние позиции. В наибольшей же степени улучшение положения было характерно для тех, кто работал на вновь возникших частных предприятиях или занимался индивидуальной трудовой деятельностью, — каждый пятый в этой группе повысил свой социальный статус по сравнению с дореформенным временем, и еще около 40% сохранили его. Хуже всего обстояло дело с теми, кто вообще не работал (пенсионеры, безработные, домохозяйки и т.п.), — почти у двух третей представителей этой группы статус понизился, а у остальных остался неизменным. Однако сегодня форма собственности предприятия играет уже не столь значительную роль, как несколько лет назад. Очевидно, здесь сказывается погашение долгов по зарплате бюджетникам и подъем российской промышленности после кризиса 1998 г., значительно улучшивший положение работников государственных и приватизировавшихся предприятий.

Среди других факторов самооценки динамики социального статуса следует назвать еще два — **социально-профессиональную и должностную принадлежность**. Для рабочих, ИТР, гуманитарной интеллигенции и работников торговли, транспорта, связи и сферы услуг показатели социальной динамики были чуть выше, чем в среднем по массиву, а для госслужащих, где понижение статуса затронуло лишь около трети группы (при 51,3% по массиву в целом), и студентов — заметно выше. Наконец, предприниматели составили наиболее благополучную, но крайне неоднородную группу, поскольку эта группа — принципиально новая для российского общества. Самооценка ее членами динамики своего социального статуса

зависела от того, откуда они в нее приходили. Поэтому даже среди предпринимателей нисходящая социальная динамика характеризовала каждого десятого, а остальные точно поровну разделились на тех, кто сохранил свой статус, и кто его улучшил. Практически совпали со средними показатели социальной динамики у жителей села и работников силовых структур. Чуть-чуть хуже средних оказались они у безработных, которые оценивают свой исходный статус в зависимости от того, кем они были до безработицы, и часто не считают свое нынешнее состояние признаком резкого снижения статуса. Заметно хуже динамика социального статуса у пенсионеров, так как в новых условиях они действительно качественно меняли свой статус, даже без учета материального положения. Очень успешными оказались самозанятые, сохранить или повысить свой статус удалось 79,4% из них.

Что касается должностного статуса, то самая большая доля тех, кому удалось это сделать, оказалась у руководителей (63,2%), следом шли специалисты с высшим образованием¹ (55,4%) и служащие из числа обслуживающего и технического персонала (52,8%).

Подводя итоги, можно сказать, что *объективно повысить свой статус в результате реформ удалось только одной группе, которую можно выделить по формальному признаку, связанному с характером деятельности, — предпринимателям. Во всех остальных возрастных, социально-профессиональных, должностных, образовательных и других группах число снизивших статус оказывается больше, чем повысивших* (за исключением молодежи до 21 года, на оценки которой предшествующего десятилетия вряд ли можно полагаться).

В то же время *шансы выиграть или проиграть у представителей разных группы были различными*. Выиграть могли скорее достаточно молодые и мобильные люди, которые готовы были получать новые навыки и знания, требующиеся работникам в ходе структурной перестройки российской экономики. Многие из них перешли при этом на вновь возникшие предприятия частного сектора экономики или занялись различными видами индивидуальной трудовой деятельности. Это было характерно для всех основных профессиональных групп (руководителей, специалистов, технических служащих, рабочих), но в большей степени проявлялось у руководителей и специалистов.

Наибольшие же шансы скатиться по социальной лестнице вниз были у немолодых инертных работников, оставшихся на государственных и приватизированных предприятиях, в том числе сельскохозяйственных. Независимо от исходного уровня их образования, неготовность, а может быть, и неспособность осваивать новые

¹ Заметим в связи с этим, что сам по себе уровень образования имел гораздо меньшее значение для динамики социального статуса, чем готовность непрерывно повышать уровень своих знаний и характер выполняемой работы (должностной статус).

знания, востребованные на современном рынке труда, заведомо ставило их в проигрышную позицию и снижало шансы занять такие рабочие места, которые позволили бы им хотя бы сохранить прежний социальный статус в условиях коренного изменения самого типа социальной структуры российского общества.

Тем не менее с какой бы стороны — объективной или субъективной — мы ни подходили к анализу этой проблемы, необходимо признать, что в последние годы установившиеся в обществе правила игры *стимулировали такой тип поведения, который не только обеспечивал рост конкурентоспособности отдельных работников на рынке труда, но одновременно повышал и конкурентоспособность экономики страны в целом.* И хотя процесс этот развивался медленно и сопровождался колоссальной растратой человеческого капитала, в целом он имел позитивный характер. Это внушает надежду, что в России пусть медленно и в несколько необычной форме, но все-таки начинается процесс перехода от растраты к улучшению качества человеческих ресурсов, а на этой основе, возможно, и к формированию конкурентоспособной на мировом уровне экономики.